

Франческо Петрарка Моя тайна, или Книга бесед о презрении к миру

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17158358

Аннотация

«Моя тайна, или Книга бесед о презрении к миру» – произведение яркого представителя эпохи раннего Возрождения Франческо Петрарки (итал. Francesco Petrarca, 1304 – 1374).*** Читатель становится свидетелем разговора простого смертного Франциска (в котором угадывается сам автор) со святым Августином о борьбе моральных противоречий в душе человека, пытающегося понять собственное предназначение. Франческо Петрарка оставил большое творческое наследие. Кроме прочих творений его перу принадлежат «Письмо к потомкам», «Сонеты». Гениальность Петрарки состоит в том, что на сломе двух эпох Средневековья и Ренессанса, он задал правильное направление развития европейской поэзии, литературы да и всей культуры в целом. Как истинный гуманист, Франческо Петрарка провозглашает, что человек, его внутренний мир есть ценность. Мы все имеем право на счастье в земной, а не только потусторонней, жизни; право самим строить свою судьбу, а не следовать слепому року.

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	4
НАЧИНАЕТСЯ БЕСЕДА ПЕРВАЯ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Петрарка Франческо Моя тайна, или Книга бесед о презрении к миру Перевод М. О. Гершензона

ВСТУПЛЕНИЕ

Часто и с сокрушением я размышляю о том, как я вошел в эту жизнь и как мне придется уйти из нее. И вот случилось недавно, когда я лежал не объятый сном, – хотя обыкновенно большой дух бывает внезапно охвачен дремотой, – а томимый страхом и в вольном сознании, я увидел пред собою женщину неопишущего сияния и блеска. Что это была дева, – обнаруживали ее одежда и лицо. Неведомо как она вошла, и я, ошеломленный необычным светом, не смел поднять глаза навстречу лучам, которые струило солнце ее очей. Войдя, она сказала: «Не трепещи, и пусть невиданное явление не смущает тебя. Я сжалилась над твоим блужданием и издалека сошла сюда, чтобы еще вовремя подать тебе помощь. Довольно, слишком довольно был доныне прикован к земле твой отуманенный взор. Если эта смертная юдоль так сильно прельщает твои глаза, что же, ты думаешь, будет, когда ты поднимешь их на вечное?» Выслушав эти слова, еще не оправившись от страха, я едва выговорил в ответ дрожащим голосом стих Марона:

Как величать тебя, дева? Твой вид не подобен обличью
Дщерей земли, ни твой голос – их голосу...¹

«Я – та, – отвечала она, – которую ты с изысканным изяществом воспел в нашей «Африке», кому ты, не уступая диркейскому Амфиону, с удивительным искусством и руками истинного поэта воздвиг лучезарное и прекрасное жилище на крайнем западе, на вершине Атласа. Итак, слушай спокойно и не страшись, видя ту лицом к лицу, которая тебе давно коротко знакома, что ты доказал своей сладкогласною песнью». Едва она кончила речь, я, соображая все признаки, сразу понял, что говорящая должна быть самой Истиной, ибо я вспомнил, что именно ее дворец на вершине Атласа я описал. Но не знал я, из какой страны она явилась, однако был уверен, что она могла прийти только с неба. Поэтому, горячо желая увидеть ее, я поднял глаза, но – увы! – человеческий взор не мог вынести небесного света, и я снова потупил глаза. Она, заметив это, после краткого молчания начала опять и опять заговаривать со мною и ничтожными вопросами принудила меня к долгой беседе с нею. Я понял, что это мне вдвойне полезно, так как, во-первых, я становился немного более сведущим, во-вторых, самая беседа успокаивала меня, так что я постепенно получил возможность прямо смотреть на это лицо, которое вначале устрасило меня своим чрезмерным блеском; и которое теперь я мог созерцать без смятения. Объятый дивным очарованием, я не сводил с нее глаз. Когда же я стал озираться, чтобы узнать, привела ли она кого-нибудь с собою или совершенно одна проникла в мое глухое уединение, я увидел рядом с нею престарелого и почтенного мужа величественной наружности.

Не было надобности спрашивать его имя: его благочестивый вид, скромное чело, серьезный взгляд, размеренный шаг, священная одежда и в то же время римское красно-

¹ Здесь и далее стихи в переводе Вяч. Иванова.

речие достаточно ясно обнаруживали в нем преславного отца Августина. К тому же в его облике было нечто столь чарующее и внушительное, чуждое всем другим людям, что я не посмел расспрашивать. Однако я не остался бы безмолвным, я подбирал уже слова вопроса, и они уже готовы были сорваться с моих губ, как вдруг я услышал из уст Истины то сладкозвучное для меня имя. Обернувшись к нему и прерывая его глубокую задумчивость, она сказала: «Дорогой мне из тысяч Августин, ты знаешь, что этот человек тебе предан, и не тайна для тебя, сколь опасною и долгой болезнью он одержим, которая тем ближе к смерти, чем менее сам больной осознает свой недуг. Поэтому необходимо теперь принять меры к сохранению жизни этого полуживого, каковое дело благочестия никто из людей не может исполнить лучше, чем ты. Ибо он всегда страстно любил твое имя, а всякое учение имеет то свойство, что оно гораздо легче внедряется в душу слушателя любимым наставником; и если нынешнее твое блаженство не заставило тебя забыть бедствия, пережитые тобою в то время, когда ты был заключен в темнице плоти, – ведь и ты перенес многое, подобное тому, что он терпит; а если так, то ты – наилучший целитель изведанных тобою страстей. Поэтому, хотя безмолвное размышление приятнее всех других вещей, прошу тебя – прерви это молчание твоим святым, мне необыкновенно приятным голосом и попытайся, не удастся ли тебе каким-либо способом ослабить столь тяжкий недуг». На это он: «Ты – моя вожатая. Ты – моя советница, утешительница, госпожа и наставница; зачем же Ты велишь мне говорить, когда сама присутствуешь здесь?» А она: «Пусть ухо смертного поразит человеческая речь: ее он снесет спокойнее. Но дабы он считал сказанным мною то, что от тебя услышит, я буду лично присутствовать». – «Как любовь к больному, – сказал он, – так и почтение к повелевающей заставляют меня повиноваться». Тут, ласково взглянув на меня и отечески обняв, он повел меня в самую уединенную часть дома, причем Истина шла несколько впереди. Там мы все трое сели, и началась долгая беседа с той и другой стороны. Истина же молча взвешивала наши слова, и других свидетелей не было. Так как предмет разрастался, то беседа затянулась на три дня; и хотя в ней было сказано многое против нравов нашего века и о грехах, общих всем смертным, так что эти упреки были обращены, казалось, не столько ко мне, сколько ко всему человеческому роду, однако я глубже запечатлел в своей памяти то, что являлось личным призывом ко мне. Потому-то я и решил столь задушевную беседу воспроизвести письменно, для того чтобы она не исчезла, и ею-то наполнил эту книжку. Не то чтобы я хотел умножить ею число моих сочинений или искал от нее славы, – нет, высшую цель лелеет мой ум: хочу, чтобы ту сладость, которую я однажды вкусил в беседе, я мог так часто вкушать при чтении, как только пожелаю.

И потому ты, моя книжечка, должна избегать людских сборищ и, верная своему имени, довольствоваться моим обществом, ибо ты – моя тайна и так будешь называться, и в часы возвышенных размышлений ты будешь втихомолку напоминать мне все то, что ты запомнишь из сказанного втихомолку. А для того, чтобы не употреблять слишком часто, как говорит Туллий, «сказал я», «сказал он» и чтобы придать беседе такой вид, как будто она ведется тут же присутствующими, я разделил мысли моего славного собеседника и мои не местонаименными, а нашими именами; этот литературный прием я заимствовал у любимого мною Цицерона, который сам перенял его у Платона. Но чтобы не отвлекаться более, вот какими словами он первый заговорил со мною.

НАЧИНАЕТСЯ БЕСЕДА ПЕРВАЯ

Августин

Что скажешь, человеке? О чем гредишь? Чего ждешь? Или не помнишь, что ты смертен?

Франциск

Конечно, помню, и всякий раз мысль эта наводит на мою душу смятение.

Августин

О, когда б ты в самом деле помнил это, как ты говоришь, и заботился бы о себе! Этим ты значительно облегчил бы и мой труд, ибо неопровержимо верно, что для того, чтобы презирать соблазны этой жизни и сохранять душу спокойною среди стольких мирских бурь, нельзя найти средства более действительного, нежели сознание собственной ничтожности и постоянная мысль о смерти, при условии, что эта последняя не скользила бы поверху, а внедрилась до мозга костей. Я сильно опасаюсь, что в этом деле, как я замечал у многих, ты сам себя обманываешь.

Франциск

Каким образом, скажи? Мне очень понятны твои слова.

Августин

Ибо из всех ваших дел, о смертные, ни одно не возбуждает; во мне такого удивления и содрогания, как то, что вы умышленно поддерживаете ваши бедствия, притворяетесь, будто не видите грозящей опасности, и гоните от себя эту мысль, когда она невольно навязывается.

Франциск

Как так?

Августин

Думаешь ли ты, что сыщется такой сумасброд, который! будучи постигнут опасной болезнью, не желал бы страстно здоровья?

Франциск

Я никого не считаю столь безумным.

Августин

Что же? Думаешь ли ты, что кто-нибудь может быть так нерадив и вял духом, чтобы, желая чего-нибудь всей душою, не добиваться этого всеми силами?

Франциск

И этого не думаю.

Августин

Раз мы с тобою согласны насчет этих двух вещей, мы должны быть согласны и насчет третьей.

Франциск

Что же это за третья вещь?

Августин

Что как тот, кто, в глубоком и сосредоточенном размышлении сознав себя несчастным, желает не быть несчастным и у кого зародилось такое желание, старается осуществить его, — так тот, кто добивается этого, может и достигнуть. Ибо опытом дознано, что единственной помехою для этого третьего является отсутствие второго, как единственной помехою для второго является отсутствие первого. Таким образом, прежде всего должно существовать то первое, которое есть как бы корень человеческого спасения; вы же, безрассудные, и ты, столь изобретательный на собственную гибель, вы стараетесь вырвать из вашей груди этот спасительный корень всеми арканами земных приманок, что, как я сказал, удивляет и ужасает меня, и потому справедливо терпите двойную кару: и тот корень оказывается исторгнутым, и все остальное становится невозможным.

Франциск

Спор этот, как я подозреваю, слишком долог и требует многих слов. Поэтому, если угодно, отложим его на другое время и остановимся несколько на предшествующей, пока я смогу увереннее подвигаться к дальнейшему.

Августин

Необходимо считаться с твоей медлительностью; поэтому останавливайся всякий раз, когда найдешь нужным.

Франциск

Я не улавливаю той последовательности, о которой шла речь.

Августин

Что здесь темного и какое сомнение явилось у тебя теперь?

Франциск

Потому что есть множество вещей, которых мы страстно желаем и усердно добиваемся, но к которым никакое усилие, никакое рвение не приблизили и не приблизят нас.

Августин

Не спорю, что это верно относительно других вещей, но в отношении того, о чем идет спор, это противоречит истине.

Франциск

Почему?

Августин

Потому что, раз человек желает избавиться от своего жалкого состояния, и желает искренно и сильно, – такое желание не может оказаться безуспешным.

Франциск

О, что я слышу! Ведь очень мало есть людей, которые бы не чувствовали, что им многого недостает, и которые бы не сознавали себя из-за этого несчастными; насколько это верно, может понять всякий, обратив взор на самого себя. Отсюда следует, что совершенная полнота благ делает человека счастливым, если же одного из них недостает, человек в этом пункте чувствует себя несчастным. Общеизвестно, что все люди желают, но лишь немногие смогли сбросить с себя этот груз своего бедствия. Ибо сколь многих терзают непрестанною скорбью либо телесная немощь, либо смерть близких, либо заключение в темнице, либо изгнание, либо бедность? И мало ли еще существует подобных напастей, которые было бы так же долго перечислять, как их трудно и горько переносить: все они, хотя крайне тягостные для тех, кто их терпит, однако, как видишь, человеку не дано стряхнуть их с себя. Таким образом, по моему мнению, невозможно сомневаться, что многие несчастны помимо и против своей воли.

Августин

Приходится вернуть тебя далеко назад и, как обыкновенно поступают с ветренными и отсталыми подростками, то и дело повторять весь ряд доводов с самого начала. Я считал тебя человеком более зрелого ума и не думал, что ты нуждаешься в столь ребяческих напояниях. И точно, если бы ты укрепил в своей памяти те верные и в высшей степени ценные изречения философов, которые ты неоднократно перечитывал вместе со мною, если бы далее – скажу с твоего позволения – ты старался не для других и в чтении стольких книг

искал руководства для своей жизни, а не средства стяжать мимолетную хвалу толпы и повода к пустому тщеславию, – не стал бы говорить так нелепо и невежественно.

Франциск

Не знаю, к чему ты ведешь, но уже теперь краска стыда залила мое лицо, и я испытываю то же, что школьники, когда учителя их бранят. Ибо как они, еще прежде чем услышат название совершенного ими проступка, помня за собою многие вины, робеют при первых словах укора, так я, сознавая свое невежество и свои многочисленные заблуждения, хотя еще и не понимаю, куда клонится твоя речь, покраснел прежде, чем ты кончил, потому что знаю, что нет вины, которой нельзя было бы поставить мне в упрек. Итак, прошу тебя, скажи мне яснее, в чем ты укоряешь меня так строго?

Августин

Еще во многом другом, кроме того, о чем скажу сейчас; но прежде всего меня возмущает твое предположение, что кто-нибудь может быть или сделаться несчастным против своей воли.

Франциск

Я перестал краснеть, ибо что можно придумать более истинного, нежели эта истина? Или кто так несведущ в человеческих делах или так далек от всякого общения со смертными, чтобы не знать, что нужда, страдания, бесчестье, наконец, болезни и смерть и прочие напасти такого рода, которые считаются тягчайшими, большею частью постигают людей против их воли, но никогда по их желанию? Откуда явствуется, что очень легко знать и ненавидеть собственное несчастье, а вовсе не свергнуть его, ибо первые два – в нашей власти, третье же – во власти судьбы.

Августин

Скромностью ты искупил свое заблуждение, но за бесстыдство я сержусь еще больше, чем за заблуждение. Как мог ты забыть все эти заявления философов и святых, что те невзгоды, которые ты давеча перечислил, никого не могут сделать несчастным? Ибо если одна только добродетель делает душу счастливой, – что доказали и Марк Туллий, и многие другие часто самыми вескими доводами, – то совершенно ясно, что ничто другое не удаляет человека от счастья, кроме того, что противоположно добродетели, а каково оно, это ты можешь вспомнить и без моего указания, если ты не закоснел окончательно.

Франциск

Конечно, помню. Ты хочешь вернуть меня к предписаниям; стоиков, которые противоположны общепринятым мнениям и стоят к отрешенной истине ближе, чем к опыту.

Августин

О несчастнейший из всех, раз ты ищешь пути к познанию истины чрез сумасбродства черни и надеешься достигнуть света, следуя за слепыми вожатыми! Ты должен избегать торной дороги, утопанной толпою, и, алкая высшего, избрать путь, отмеченный следами лишь очень немногих, дабы ты удостоился услышать о себе известный стих поэта:

Новою доблестью, отрок, расти! Так взыдешь к светилам.

Франциск

О, если бы я достиг этого еще до моей смерти! Но продолжай, прошу тебя, ибо я не совсем потерял стыд и не сомневаюсь, что положение стойков следует предпочесть заблуждениям толпы; но я жду, что ты хочешь доказать мне этим.

Августин

Раз мы согласились насчет того, что быть или стать несчастным можно только чрез порок, – какие еще нужны; слова?

Франциск

Мне кажется, что я видел многих, – и я сам из того числа, – которых ничто не тяготит в такой степени, как невозможность свергнуть с себя иго своих пороков, хотя они всю жизнь стремятся к этому с величайшими усилиями. Поэтому, не оспаривая положения стойков, можно утверждать, что многие глубоко несчастны помимо своей воли, терзаясь и желая противоположного.

Августин

Мы несколько заблудились, но уже незаметно возвращаемся к нашей исходной точке, если только ты не забыл, с чего мы начали.

Франциск

Едва было не забыл, но теперь начинаю припоминать.

Августин

Я задался целью доказать тебе, что для того, чтобы выбраться из тесноты этой смертной юдоли и подняться выше, как бы первой ступенью является размышление о смерти и о жалкой доле человека, второе же – страстное желание и старание подняться; при наличии этих условий, обещал я, легко достигнуть той цели, к которой направлено наше стремление. Или ты и теперь убежден в противном?

Франциск

Я не осмелился бы сказать, что убежден в противном, ибо с самой юности я возымел о тебе столь высокое мнение, что каждый раз, как взгляды наши расходились, мне было ясно, что заблуждаюсь я.

Августин

Прекрати, пожалуйста, лесть; но так как я вижу, что ты привык соглашаться с моими словами не столько по убеждению, сколько из уважения, то даю тебе право говорить все, что тебе заблагорассудится.

Франциск

Хоть и с трепетом, но воспользуюсь твоим разрешением. Не буду говорить о прочих людях; но беру в свидетели присутствующую здесь, которая неизменно была свидетельницей всех моих поступков, и тебя самого, как часто я размышлял о моем жалком положении и о смерти и сколькими слезами я пытался смыть с себя грязь моей греховности, – но эти попытки, – как видишь, доньше оставались бесплодными, о чем я не могу говорить без слез. Это одно и побуждает меня оспаривать истинность твоего положения, будто ни один человек не впал в жалкое состояние иначе, как по своей воле, что несчастен лишь тот, кто хочет быть несчастным, – ибо мой собственный печальный опыт убеждает меня в противном.

Августин

Это старая жалоба, и ей никогда не будет конца; и хотя я уже не раз тщетно пытался убедить тебя, я не перестану настаивать, что никто не может ни стать, ни быть несчастным помимо своей воли, но, как я сказал вначале, людям присуща болезненная и пагубная Стремление обманывать себя, вреднее которой нет ничего в жизни. Вы справедливо боитесь коварства ваших слуг, во-первых, потому, что доверие к обманывающему не позволяет возникнуть спасительной недоверчивости, во-вторых, потому, что его льстивый голос непрерывно ласкает ваш слух, – два условия, которые в отношении других людей, по-видимому, отсутствуют; насколько же более вы должны были бы опасаться вашей собственной хитрости, где и любовь, и доверие, и близость чрезвычайно велики, ибо всякий ценит себя выше, нежели он стоит, и любит себя больше, нежели должно, и, следовательно, обманутый никогда не отделяется от обманывающего?

Франциск

Ты часто употреблял сегодня эти слова, но я, насколько; помню, никогда не обманывал себя; пусть бы только другие меня не обманывали!

Августин

Сейчас ты всего более обманываешь себя, хвалясь, будто никогда этого не делал. Но я не столь низкого мнения о твоём природном уме; я уверен, – размыслив, внимательно, ты

сам поймешь, что никто не впадает в несчастье иначе, как по своей воле, а ведь спор между нами только об этом. Итак, скажи мне, пожалуйста, – но подумай, прежде чем ответить, и напряги свой дух жаждою не спора, а истины, – скажи мне, думаешь ли ты, что кто-нибудь грешил по принуждению? Ведь мудрецы утверждают, что грех – добровольное деяние до такой степени, что где отсутствует воля, там нет и греха; а ты уже раньше согласился со мною, что без греха никто не бывает несчастлив.

Франциск

Вижу, что на последних шагах я постепенно уклонился от наших предпосылок, и вынужден признать, что начало моего несчастья коренилось в моей собственной воле; чувствую это в себе и по сходству предполагаю это относительно других. Но теперь и ты согласишься со мною в одном.

Августин

В чем же я должен согласиться?

Франциск

Если верно, что никто не падает иначе, как по своей воле, то мы должны считать верным и то, что многие, поскользнувшись по своей воле, остаются лежать уже не по своей воле; это я готов с уверенностью утверждать о себе самом и полагаю, что это ниспослано мне в кару, дабы я при всем желании не мог встать, ибо не хотел стоять, когда мог.

Августин

Хотя это мнение не совсем нелепо, но раз ты сознал свою ошибку в первом случае, ты неизбежно должен будешь признать, что ошибся и во втором.

Франциск

Стало быть, ты утверждаешь, что упасть и лежать – одно и то же?

Августин

Напротив, это – различные вещи; однако глаголы «желал» и «желаю», хоть и различны по времени, по сути своей и в душе желающего тождественны.

Франциск

Чувствую, какую сеть ты пытаешься меня опутать; но из двух борцов тот, который стяжал победу ловкостью, – не сильнейший, а только хитрейший.

Августин

Мы говорим пред лицом Истины, которой любезна во всем простота, а лукавство противно; и для того, чтобы ты ясно видел это, мы будем отныне продолжать с наивозможной простотою.

Франциск

Я ничего не мог бы услышать более приятного. Итак, скажи мне, – так как речь шла обо мне, – какими доводами ты докажешь мне, что мое несчастье, которого я не отрицаю, еще и сейчас существует по моей воле, тогда как я, напротив, чувствую, что ничто так не терзает меня, ничто в такой степени не противоречит моему желанию, и, однако, дальше не могу; ступить ни шагу?

Августин

Если только ты будешь твердо держаться того, что условлено между нами, я покажу тебе, что ты должен был употребить другие слова.

Франциск

О каком уговоре ты напоминаешь и какие советуешь мне употреблять слова?

Августин

Мы условились отвергнуть все козни обмана и с полной искренностью добиваться истины. Что же касается слов, которые ты должен употреблять, то я хотел бы, чтобы ты признался, что вместо слов «не мог» следовало бы сказать «не пожелал».

Франциск

Мы никогда не кончим, потому что я никогда не признаюсь в этом. Сам я знаю, и ты мне свидетель, сколько раз я хотел и не мог, сколько слез я пролил бесплодно.

Августин

Могу свидетельствовать о многих твоих слезах, но о твоей доброй воле – нисколько.

Франциск

Зову в свидетели небо (из людей, я думаю, никто того не знает), сколько я выстрадал и как страстно желал подняться, если бы только это было возможно.

Августин

Умолкни, ибо раньше смешается небо с землею, раньше звезды упадут с неба и восстанут друг на друга ныне дружественные стихии, чем Истина, которая здесь творит суд между мной и тобою, даст себя обмануть.

Франциск

Что же ты хочешь сказать?

Августин

Что сознание часто исторгало у тебя слезы, но воли твоей не меняло.

Франциск

Сколько раз я повторял, что сделать больше было мне не под силу.

Августин

И сколько раз я отвечал, что ты скорее не хотел. Однако я не удивляюсь, что ты блуждаешь теперь по окольным дорогам, на которых я сам мыкался в былое время, когда замыслил вступить на новый путь жизни. Я рвал на себе волосы, бил себя по лбу, ломал пальцы, наконец, обхватив колена руками, наполнял небо и воздух невыразимо горькими вздохами и орошал землю обильными слезами; и однако, среди всей этой горести я оставался тем же, чем был, пока наконец глубокое раздумье не представило мне воочию всю бедственность моего положения. Итак, лишь только я вполне пожелал, я тотчас и смог и с чудесной, благодатной быстротой превратился в другого Августина, чью историю, если не ошибаюсь, ты знаешь по моей Исповеди.

Франциск

Конечно, знаю и никогда не забуду той спасительной смоковницы, в тени которой совершилось это чудо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.